

3. Sergeev M. *Statistika ukazala na provaly zdravoohraneniya* [The statistics indicated public health failures]. Available at: http://www.ng.ru/economics/2011-08-01/4_stats.html.
4. Chubarova T.V. Obespechenie naseleniya medicinskimi uslugami: jekonomicheskie problemy [Providing population with medical services: economic problems]. *Voprosy prognozirovaniya* [Forecasting Problems]. 2008, no. 6, pp. 33–36.
5. Social'noe polozhenie i uroven' zhizni naselenija Rossii. 2011 [Social status and standard of living of the population of Russia. 2011]. *Rosstat* [Russian Federal Service of State Statistics]. Moscow, 2011.
6. Barr N. *Economics of Welfare State* / N. Barr. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 450 p.
7. Ferrera M. The Rise and Fall of Democratic Universalism – Health Care Reform in Italy, 1978–1994 / M. Ferrera // *Journal of Health Politics, Policy and Law*. – 1995. – Vol. 20, № 2. – P. 275–302.
8. Sanmartin C. Comparing Health and Health Care Use in Canada and the United States / C. Sanmartin, J.-M. Berthelot, K. Murphy et. al. // *Health Affairs*. – 2006. – Vol. 25, № 4. – P. 1133–1142.

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В БАШКИРИИ ДО 1917 г. И ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННОЙ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Манджиев Джангар Николаевич, аспирант

Калмыцкий государственный университет
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail elistachess@yandex.ru

В данной статье раскрываются конкретно – исторические факты условий формирования и политической жизни башкирской нации в контексте зарождения и развития национально-этнической консолидации, свидетельствующие о противоречивом характере пребывания башкирского народа в составе царской России, об отсутствии у него национально-государственного строительства, политическом бесправии башкир в различных сферах общественной жизни, в области культуры, языка и т.д.

Ключевые слова: *нация, национально-политическая консолидация, царизм, национальное самоопределение, колонизация, социально-этническая общность.*

THE POLICY OF TSARISM IN BASHKIRIA TILL 1917 AND THE POSITION OF ITS NATIVE NATIONALITY

Mandzhiev Dzhangar N., post-graduate student

Kalmyk State University
11 Pushkin st., Elista, 358000, Republic of Kalmykia
E-mail elistachess@yandex.ru

The paper reveals the historical facts of forming conditions and political life of the Bashkirs in the context of the origin and development of national and ethnic consolidation, which testify a contradictory character of the Bashkirs' stay in Russia, the absence of national and state development, political illegality of the Bashkirs in different spheres of social life, culture, language and so on.

Keywords: *Nation, National and political consolidation, Tsarism, National self-determination, Colonization, Social-ethnic community.*

Национальный вопрос и его разрешение в смысле обеспечения свободного самоопределения и равенства наций отражает политическую сторону проблемы нации, вопроса о национальной консолидации. Речь идет в сущности о соотношении нации и национальной государственности. Пребывание башкирского народа в составе России с момента присоединения к Русскому государству, результатом которого являлось складывание социально-этнической общности башкир, носило как прогрессивное, так и негативное влияние на развитие национально – этнической консолидации у башкирской нации. С одной стороны, присоединение к Русскому государству было общенациональным шагом, заметно поднявшим уровень самосознания башкирской народности, определившим границы и обезопасив их от чужеземных вторжений, с другой – отсутствие политического самоуправления обуславливали ряд причин общей слаборазвитой социально-экономической ситуации к началу XX в. в этом регионе. В историографии нет целенаправленно выполненных, тем более достаточно

крупных и цельных, законченных исследований-публикаций ни по политическому аспекту проблемы формирования и, в целом, общественной жизни башкирской нации, ни по истории национального вопроса в Башкирии. Лишь совсем недавно, примерно в 80-е гг. XX в. появляются работы целенаправленно раскрывающие эту проблему, проводящие анализ исторического прошлого башкирского народа.

Отсутствие политического самоуправления, собственной его национальной государственности – это характерная черта всей истории башкирского народа. Первые проблески политического объединения башкирского народа на раннефеодальной стадии ее становления не получили достаточного развития и были сметены инонациональным вмешательством. Государственность, естественно, не получила развития у башкир и при господстве монголо-татарской Золотой Орды.

С покорением русских войск Казани в 1552 г. история башкирского края становится тесно связанной с русским народом. Башкиры решили без сопротивления подчиниться на определенных условиях воле «белого царя», оценив силу русского наступления, разгромившего татарские ханства, намного более сильные в военно-политическом отношении, чем разрозненная и политически неорганизованная башкирская народность. Согласно летописям, присоединение башкир к России относится к маю 1557 г. С этого момента национально-государственное развитие башкир всецело зависело от местами колонизаторской и ассимиляторской политики царской администрации. Присоединение было важно также и для самой России, особенно в геополитическом плане.

Эволюция национально-государственного строительства башкирской нации в составе России претерпевала значительные изменения на протяжении всей её истории, определяющими факторами ее являются как само отсутствие у башкир национальной государственности или гарантированной автономии, так и формы управления, вводимые царским правительством. Все это отнюдь не способствовало, более того, как правило, исключало национально-политическую консолидацию башкирского народа.

После присоединения к Русскому государству основная часть Башкирии – Приуралье (западное) составило Уфимский, под началом воеводы, уезд, который до 1704 г. подчинялся Приказу Казанского дворца, переименованный тогда же в Уфимскую провинцию. Зауралье подлежало управлению Сибирского приказа. Таким образом, башкирское Приуралье и зауральские районы, населенные башкирами же, оказались административно разобщенными. Сохранялось деление на 4 «дороги» (области), отражавшие былую раздробленность края и его населения.

В 1708 г. Уфимская провинция вошла в состав Казанской губернии, образованной тогда в числе 8-ми губерний Российской империи. Но в 1728 г. она была выделена из Казанской губернии и отдана в управление особого воеводы с большими полномочиями, равными губернаторским. В 1733–1737 гг. Уфимская провинция снова находится в составе Казанской губернии, а в 1737–1744 гг. – в ведении Оренбургской комиссии. В 1738 г. из Уфимской выделяется Осинская провинция с башкирами-гайнинцами, тогда же образуется в составе Сибирской губернии Исецкая провинция с 15-ю башкирскими волостями.

Напряженное положение в Башкирии заставило в 1744 г. Елизавету Петровну провести реформу административного управления краем. «Высочайшим» указом от 15 марта 1744 г. была образована Оренбургская губерния, объединявшая управление всем башкирским краем. Первым губернатором стал И.И. Неплюев. Подобная централизация соответствовала стремлениям русского царского правительства усилить свои позиции в Башкирии, не допустить возможных антиправительственных выступлений. А когда такое выступление, и очень мощное, все же состоялось, Екатерина II указом от 23 декабря 1781 г. учредила на месте Оренбургской губернии Уфимское наместничество, преобразованное снова в Оренбургскую губернию в 1796 г.

Основная часть башкирской территории до середины 60-х гг. XIX в. входила в пределы Оренбургской губернии, но башкиры проживали еще в 3-х других губернии-

ях. Они составляли тогда следующий процент населения названных ниже уездов по 4-м губерниям [5, с. 274] (табл).

Таблица

**Процент населения башкирского народа
в Оренбургской, Пермской, Вятской и Самарской губерниях**

<i>Оренбургская губерния</i>			
Верхнеуральский	76	Бирский	72
Троицкий	60	Белебеевский	63
Оренбургский	47	Стерлитамакский	51
Челябинский	21	Уфимский	41
		Мензелинский	35
<i>Пермская губерния</i>			
Пермский	1,37	Екатеринбургский	3
Осинский	11,2	Шадринский	10
Красноуфимский	10,75		
<i>Вятская губерния</i>			
Сарапульский	0,75	Елабужский	9,75
<i>Самарская губерния</i>			
Бузулукский	2,67	Бугульминский	36,5
Бугурусланский	4		

Царское правительство не только не предпринимало никаких мер к обеспечению административно-территориальной компактности расселения башкир, как отдельной национальности, а, напротив, исходя из соображений удобства управления и эксплуатации края, вело к дальнейшему административному распылению башкирской территории. 5 мая 1865 г. последовал указ о разделении Оренбургской губернии, в результате которой башкирское население в административно-правовом отношении оказалось разбросанным по 4–5 губерниям. Такое административное дробление Башкирского края, несомненно, отрицательно сказывалось на национальной консолидации башкирского народа. Во всяком случае оно не способствовало такой консолидации.

Одним из наиболее характерных явлений в административно-правовой истории Башкирии и башкирского народа была кантонная система управления [1, с. 161]. Все «башкирское сословие» в административно-правовом отношении было разделено на 13 кантонов, которые составляли «Башкирское войско» [6, с. 111]. В 1798 г. из башкир образуется иррегулярное войско, и они, как определенная национально-этническая общность, становятся одновременно военно-казачьим сословием, подчинявшимся русским офицерам и башкирской феодальной знати. Кантонная система управления нанесла общенациональным и социальным интересам башкирского народа немало вреда. Военно-феодальная регламентация жизни башкир и засилие русских военных чинов лишали башкир последних остатков самоуправления. Однако к результатам проводимой политики относятся и некоторые положительные явления в национальном отношении. Превращение башкир в военно-казачье сословие, единое по форме управления, по правовому положению, функциям и обязанностям, а также практическое несение ими военной службы целыми полками, единым войском, участие в дальних военных походах русской армии – все это, естественно, усиливало сплочение и консолидацию башкир, укрепляло их национальное самосознание, способствовало, прямо или косвенно, росту в них чувства этнико-национальной общности, общности их судьбы и т.д.

Назревание капиталистических отношений в недрах башкирского общества и рост его межнациональных связей потребовали отказа от военно-феодальных форм социально-национальной организации башкирского народа. В начале 60-х гг. проводятся подготовительные мероприятия по преобразованию и отмене кантонной системы управления. А в 1863–1865 гг. последовало законодательство, положившее уже конец этой системе. Башкиры теперь перестали быть военно-служилым сословием (хотя и после этого из них формировались отдельные воинские части). Но и после

этого в управлении Башкирией оставалось немало военно-бюрократического. Вплоть до свержения царизма над башкирами тяготела целая система феодально-элитических институтов Российской империи, чуждых национальным интересам башкирского народа. Ведущим центральным органом по управлению Башкирским краем и другими «национальными» территориями России являлось Министерство внутренних дел с его Департаментом полиции. Оно и ведало национальными делами башкирского народа. Ему непосредственно подчинялись губернии и их губернаторы – уфимский, оренбургский и др. Последние были наместниками русского царя. По отношению к башкирской и другим нерусским национальностям они представляли чужеродную власть, для реализации которой использовалась широкая сеть административных учреждений, построенной без учета национально-специфических особенностей края и враждебных интересам его коренного населения. Установленная административная опека над Башкирией исключала какое-либо национальное самоуправление башкирского народа. Царские чиновники считали, что он лишен способности к такому самоуправлению. Башкиры и татары, все другие национальности Поволжья и Урала, российский Востока, и не только, были лишены политических условий самостоятельно определять собственную судьбу. Они не могли свободно устраивать свою национальную жизнь, не могли свободно пользоваться, как бы им хотелось, родным языком и т.д. Между тем многие из нерусских народов, включая сюда башкир, представляли собой вполне сложившиеся самобытные этнические общности, перераставшие уже в современного типа нации. Но им не хватало национально-политической организации и консолидации.

Как и отмена крепостного права в отношении русского крестьянства, ликвидация системы кантонного управления в отношении башкир явилась определенной вехой на пути их социально-правовой эволюции: они освободились от военно-служебной «крепости», как формы феодально-обязательных отношений с русским государством в лице царя-самодержца и его правительства. Сложилась теперь та форма башкирской национальности, которая просуществовала до Октябрьской революции 1917 г. Это новое состояние было закреплено в «Положении о башкирах» [4, с. 3] от 14 мая 1863 г. Согласно новому положению, башкиры получали право неограниченной хозяйственной деятельности и предпринимательства, свободного передвижения, найма и т.д. По делам хозяйственным башкиры данной деревни или группы смежных селений составляли сельское общество, а несколько сельских обществ – волостное общество.

Изменение правового положения башкир, связанное с отменой кантонно-военно-феодальной системы управления, совпало во времени с земской, городской, судебной и другими либеральными реформами 60–70-х гг. XIX в. Они были распространены и на башкир. Этим достигалось их формальное равенство. Но ни одно из преобразований не внесло существенного изменения в политико-правовое положение башкир, как определенной, со специфическими особенностями, национальной общности.

Настоящий разгул антидемократических явлений при царизме начался не только в Башкирии, но и на других окраинах Российской империи к рубежу XIX–XX вв. Русификаторскую политику царизма в отношении башкир и их соплеменников осуществлял громадный аппарат государственно-полицейской машины. Губернские жандармские управления, уездные исправники и становые пристава, – это хотя и главная, лишь часть означенной машины. Были еще и другие государственные учреждения и «общественные» организации черносотенно-шовинистического направления, сеть их тайных агентов, и весь смысл существования этих организаций и лиц, вся их задача сводилась к устройству гонений против башкира-«иноверца», на тех, кто бы выступил с защитой национальной индивидуальности национальных прав своего народа, против колонизаторства и ассимиляторства. Правительственные круги огульно обвиняли восточные народы Российской империи в существовании сепаратистского «панисламизма». В совокупности с этим вероисповедания угнетенных наций при господстве православной церкви не имели равноправия. Царское правительство под-

держивало православие, дополняя неравенство национальностей неравенством исповеданий и всячески добиваясь торжества «истинной веры» – православия на мусульманском Востоке – в Башкирии, Татарии и т.д. Суть дела не в том, какая религия была «правильной», а в другом: одна из религий в данном случае служила делу угнетения и русификации малых наций, а другая – в силу этого выступала как ущемленное вероисповедание народа, ущемленного в своих национальных правах.

Миссионерскую деятельность среди башкир православное духовенство начало еще при Иване IV, продолжало оно ее и в XVIII в. Башкирам и другим мусульманам за то, что они исповедуют ислам, ограничивалось место поселения в пределах Оренбургского края. Сенатским указом от 23 января 1860 г. «магометанам» запрещалось селиться массами между старой и новой Оренбургскими линиями; ограничивалось причисление их к Оренбургскому казачьему войску. Коренные жители края упорно сопротивлялись навязыванию им православной веры и, вообще, русификаторской политике царизма. Сопротивление это нарастало по мере роста их национального самосознания. Оно нарастало и в целом по многонациональной России. Это, собственно, и вынудило царское правительство принять 17 апреля 1905 г. указ, согласно которому перешедшие ранее или потомки перешедших в православие могли теперь, при их желании, вернуться в свою первоначальную веру [8, с. 68].

Духовная жизнь, национальная культура башкирского народа будучи той областью, где главным образом решался вопрос: быть впредь башкирам самими собой в смысле национально-этническом, или они уже утратят свою специфическую национальность, этническую физиономию, не успев окончательно сформироваться в современного типа нацию. Поэтому курс на обрусение башкир, будучи существенным аспектом общей колонизаторской политики русского царизма, осуществлялся путем настойчивых попыток к идейному порабощению угнетаемой нации, к свертыванию ее духовной самобытности.

Главное, что бросалось в глаза из всей практики царской администрации в отношении национальной культуры башкир, равно как и других восточных «инородцев», так это игнорирование и ущемление их родного языка, одного из главных факторов этнического существования, национального развития. Другой же стороной той же медали были попытки любым способом обрусить данную национальность в лингвистическом отношении. Но при всем этом, как это отмечают дореволюционные исследователи, в начале XX в. была налицо определенная степень культурного развития башкир и распространения среди них грамотности, подтверждаемая и статистическими данными. В целом происходил небольшой рост литературы, печати, просвещения и интеллигенции у мусульманского населения Поволжья и Приуралья. Он происходил вопреки препонам и помехам, чинимым русским царизмом, но не без содействия передовых представителей русского народа, русской интеллигенции [3, с. 28].

Русский царизм во «славу» великодержавно-шовинистического курса боролся с идеей национальности и национального самоопределения башкир, татар и других угнетенных народов, жестоко подавляя антиколониаторские выступления башкирского народа, настойчиво проводил политику обрусения нерусских национальностей, в том числе башкир.

Отказ башкирам в национально-политическом самоопределении преследовал цель, помимо того, чтобы их обрусить, также и грабить башкирские земли, на которых покоилось существование этого народа. Русский царизм превратил «инородческое Приуралье», смежное с ним Поволжье, а также другие районы Востока – их земельные и иные богатства в объект хищнической эксплуатации и ограбления [2].

От земли, от того, сумел ли народ сохранить за собой достаточное количество удобных земель, зависело нормальное национально-этническое существование и культурно-экономическое существование башкир. Но необходимость сохранения и защиты национальных земель сталкивалось с интересами русских помещиков и капиталистов, занимавших территории башкир. Это придавало аграрному вопросу в Башкирии остро политический характер.

Таким образом, пребывание башкир, как и других – со схожей судьбой народов, в составе России до 1917 г. было противоречивым. Конечно, в целом и в конечном итоге присоединение к Русскому государству имело для России прогрессивное значение. С другой стороны, однако, объективное положение башкирской нации было далеко от жизни полноценной самостоятельной нации. Общение с русским народом, благотворное влияние русской нации на нерусские народы – башкир, татар и др. – серьезнейшим образом ограничивала и омрачала великодержавно-шовинистическая политика русского царизма. Последний отказывал башкирскому народу в праве на национально-политическое самоопределение, грабил его земли, вел по отношению к нему обрусительно-ассимиляторскую политику. Башкиры и другие «инородцы» рассматривались царским правительством не как этнически дееспособные народы, самобытно развивающиеся, способные стать современного типа нациями и имеющие право на национальное самоопределение, а как «неполноценные» и бесперспективные этнические группы, подлежащие в конечном счете ассимиляции. И не иначе как вопреки колонизаторству и ассимиляторству правящих кругов России обнаруживало себя благотворное влияние русского народа на башкирскую нацию, а последние сохраняла свою этническую индивидуальность, язык, развивала духовную культуру.

В истории башкирского народа до 1917 г., как это вообще бывает в жизни политически бесправных народов, лишенных национальной государственности, имел место помимо необходимых этнических компонентов такой фактор национальной консолидации, как национально-освободительная борьба, которая составляла важнейший компонент политической истории формирования башкирской нации: колонизаторско-русификаторская установка царизма, естественно, вызывала упорное сопротивление со стороны башкирского народа как жертвы этой политики, и он не раз поднимался на активную борьбу против угнетателей, всячески отстаивал свою этнолингвистическую и духовную самобытность, земли и т.д. В условиях незатухающего протеста и растущего противодействия давлению колонизаторов и ассимиляторов, сопровождающегося одновременно ростом национального самосознания, – в этих условиях и протекало формирование башкирской нации [7, с. 167].

Идейно-политическая острота национального вопроса в истории Башкирии делает его непреходяще актуальным предметом научно-исторических исследований.

Национально-политическое самоопределение и суверенитет народов, их национально-государственное существование остается актуальным и необходимым до тех пор, пока существуют нации, сохраняются национальные различия, тем более когда эти различия выливаются в неравные отношения. Национально-политическое самоопределение, национальная государственность – существенно необходимое условие нормального функционирования нации, она воплощает ее политическую концентрацию, соответственно (то есть политически) оформляя национальную индивидуальность и национальную общность данного народа.

Список литературы

1. Асфандияров А. З. Введение кантонной системы управления в Башкирии – «Из истории Башкирии» (дореволюционный период) / А. З. Асфандияров. – Башкирия, 1968. – 131 с.
2. Национальные движения в период первой революции в России. – Чебоксары, 1935. – 28 с.
3. Общественное движение в России в начале XX в. – Санкт-Петербург, 1911. – Т. 4, ч. 1, – 195 с.
4. Положение о башкирах. – Уфа, 1912. – 3 с.
5. Сборник статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1863 г. – Уфа, 1863. – 274 с.
6. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии... / В. М. Черемшанский. – Уфа, 1859. – С. 111, 131.
7. Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период) / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1972. – 167 с.
8. Юлдашбаев Б. Х. Проблема нации и политическое положение башкир в составе царской России / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1979. – 68 с.

References

1. Asfandijarov A.Z. *Vvedenie kantonomj sistemy upravlenija v Bashkirii – «Iz istorii Bashkirii» (dorevoljucionnyj period)* [Introduction of canton control system in Bashkiria – «From the history of Bashkiria» (the pre-revolutionary period)]. Bashkiria, 1968, 131 p.
2. *Nacional'nye dvizhenija v period pervoj revoljucii v Rossii* [National movements in the first revolution in Russia]. Cheboksary, 1935. – 28 s.
3. *Obwestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX v.* [Social movement in Russia at the beginning of the XX century]. St. Petersburg, 1911, vol. 4, ch. 1, 195 p.
4. *Polozhenie o bashkirah* [The situation of the Bashkirs]. Ufa, 1912, 3 p.
5. *Sbornik statej iz Orenburgskih gubernskih vedomostej za 1863 g.* [The collection of articles from the Orenburg Provincial Bulletin for 1863]. Ufa, 1863, 274 p.
6. Cheremshanskij V.M. *Opisanie Orenburgskoj gubernii...* [Description of the Orenburg province...]. Ufa, 1859, 111, 131 p.
7. Juldashbaev B.H. *Istorija formirovanija bashkirskoj nacii (dooktjabr'skij period)* [History of formation of the Bashkir nation (the pre-October period)]. Ufa, 1972, 167 p.
8. Juldashbaev B.H. *Problema nacii i politicheskoe polozhenie bashkir v sostave carskoj Rossii* [Problem of the nation and political situation of the Bashkirs as a part of imperial Russia]. Ufa, 1979, 68 p.

ОСОБАЯ РОЛЬ ПЕЧАТНЫХ СМИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ (на примере Астраханской области)

Тризно Тамара Александровна, аспирант, ассистент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Тагипцева, д. 20а
E-mail: trizno_t@mail.ru

В статье исследуются вопросы, посвященные важности проведения информационной политики в России для образования тандема государственных и общественных структур через институт средств массовой информации, особенностям региональной информационной политики и той роли, которую в ней играют печатные средства массовой информации, что требует дополнительного внимания со стороны органов власти к местной прессе при осознании ее важности в процессе проведения информационной политики в регионах, доказывається преимущественное положение печатных СМИ и их эффективность по сравнению с интернетом при проведении региональной информационной политики местными властными структурами.

Ключевые слова: информационная политика, региональная информационная политика, органы государственной власти, общество, информатизация, интернет, средства массовой информации, печатные СМИ, местная пресса, информационное неравенство.

THE SPECIFIC ROLE OF PRINT MEDIA IN REGIONAL INFORMATION POLICY (by the example of the Astrakhan region)

Trizno Tamara A., post-graduate student, Assistant

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: trizno_t@mail.ru

The paper studies the problems of importance of information policy in Russia for formation of tandem of state and public structures through the institution of the media, the features of regional information policy and the role that the print media plays in it. This all requires an additional attention from the authorities to the local press, because the local press plays an important role in the process of realization of information policy in the region. The author proves the preferred position of print media and their efficiency for regional information policy by local authorities compared to the internet.

Keywords: Information policy, Regional information policy, Public authorities, Society, Informatization, Internet, Media, Print media, Local press, Digital divide.